

А.Ы. Альжанова*, Ш. Мажитаева, Ж.Т. Балмагамбетова

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: ainuralzhanova@bk.ru, s_mazhit@mail.ru, janna1965@rambler.ru)*

К проблеме определения стратегий при прямом и опосредованном переводе

Статья посвящена исследованию переводческих стратегий межъязыковой адаптации на материале трилогии А. Нурпеисова «Қан мен тер». Целью статьи является осуществление сравнительно-сопоставительного анализа оригинала с прямым переводом на русский и опосредованным переводом на английский. Основное внимание в работе акцентировано на рассмотрении способов реализации стратегий в транслатах путем использования переводческих трансформаций. Авторами предпринята попытка выяснить адекватность передачи специфики индивидуального стиля автора оригинала в переводных текстах, уровень межъязыкового соответствия переводов исходному тексту, степень равноценности регулятивного воздействия переводного текста оригиналу. Анализ исследуемого вопроса доказывает несостоятельность опосредованного перевода в силу значительных потерь в плане содержания и выражения. Результаты исследования будут интересны специалистам в области лингвистики, переводоведения.

Ключевые слова: стратегии адаптации, переводческие трансформации, прямой перевод, опосредованный перевод, художественный перевод.

Введение

В современном переводоведении актуальны проблемы межкультурной адаптации художественного текста и выбора стратегий при переводе. Несовпадения лингвокультурной специфики, вместе с тем лексико-сематического, словообразовательного, грамматического уровней разноструктурных языков, зачастую приводят к допущению смысловых ошибок, опущениям, неравноценным заменам, дополнениям в переводе и др.

Основной задачей переводчика является передача особенностей оригинального стиля в транслате путем осуществления конкретных трансформаций согласно выбранным стратегиям, с целью достижения адекватности восприятия переводного текста (ПТ), создания условий достижения равноценного эмоционально-регулятивного воздействия как при восприятии исходного текста (ИТ).

Выбор той или иной стратегии перевода может быть обусловлен целью и интенцией переводчика, ориентацией на читателя, прагматической адаптацией текста, культурологическими различиями языков оригинала и транслата и т.д.

Методы и материалы

Целью нашего исследования является контрастивный анализ оригинала с прямым переводом Н.М. Карамзина и опосредованным переводом К. Фитцпатрика, выявление и описание использованных в транслатах стратегий на материале трилогии А. Нурпеисова «Қан мен тер».

Полемика касательно первостепенности передачи переводчиками смысла или формы содержания оригинала, различия во взглядах относительно того, каким должен быть перевод: свободным (вольным) или дословным (буквальным) продолжались вплоть до XVIII в. Лишь в XVIII–XIX вв. понятия культурного освоения и отчуждения, как стратегий перевода, были впервые определены немецкими мыслителями. И.-В. Гете обозначил два принципа перевода: первый требовал от иностранного автора «переселения к читателям», чтобы они признали в нем соотечественника, максимально адаптируя перевод к нормам принимающей культуры; второй требовал от читателей «отправиться к чужеземцу», приобщая их к чуждому складу жизни, специфике языка путем сохранения своеобразия оригинала, содержащейся в нем информации. Однако в переводе оба принципа могут быть реализованы одновременно, и, по словам Гете, каждый из них имеет свои достоинства [1; 43]. Отметим, что И.Г. Гердер и Ф. Шлейермахер были сторонниками стратегии отчуждения. По словам немецкого мыслителя И.Г. Гердера, переводчик должен переводить слово в

*Автор корреспондент. E-mail: ainuralzhanova@bk.ru

слово, сохраняя даже интонационное звучание подлинника [2; 193]. Немецкий философ Ф. Шлейермахер утверждал, что переводы с разных языков должны передавать чуждость, звучать и восприниматься по-разному, в противном случае все они были бы идентичными.

В российском переводоведении отдавалось предпочтение концепции умеренной адаптации оригинала, переводчики старались придерживаться «золотой середины». В период с 1930–1950 гг. переводчики, следующие принципу «точности», стремящиеся сохранить характерные черты оригинала, обвиняются в буквализме. В частности, Е.Л. Ланн придерживался точности в воссоздании стилистических фигур оригинального текста, а Г. Шенгели призывал сохранять все единицы оригинального смысла. Буквализм становится в противовес концепциям реалистического и адекватного перевода, которые, в отличие от буквального, приобрели положительную оценку и коннотацию. Так, в число буквалистов вошли Е.Л. Ланн и Г.А. Шенгели, осуждаемые приверженцами реалистического перевода, одним из которых был видный теоретик и практик советской школы переводоведения И.А. Кашкин [3].

Среди американских переводоведов противоположных взглядов придерживались Ю. Найда, приверженец доместикации, и Л. Вентути, сторонник форенизации. Ю. Найда считал, что сосуществование двух культур в достижении успешного перевода гораздо важнее сосуществования двух языков, так как слова оказывают влияние на реципиента, исключительно, в рамках культуры. Как следствие, Ю. Найда выделяет два типа эквивалентности: формальную и функциональную, на которые опирается переводчик при выборе стратегии перевода. Первый тип подразумевал передачу самого сообщения, его формы и содержания, требующего проникновения в лексико-грамматическую, синтаксическую структуры языка, приближая транслят к буквальному. Вторым предполагал оказание эмоционально-равноценного эффекта на получателя ПТ, аналогичного восприятию ИТ. При этом ученый предлагает заменять культурно-специфические реалии ИТ на свойственные культуре ПТ. По мнению П. Ньюмарка, функциональная эквивалентность Юджина Найды упрощает реципиентам задачу понимания текста, а принципы понятности и удобочитаемости текста, достигаемые путем опущения информации, неизбежно ведут к потере смысла [4; 78].

Л. Вентути, впервые употребив понятия форенизации и доместикации, определяет первое как стратегию, при которой переводчик ориентируется на культуру исходного языка, напротив, при доместикации акцент перемещается на язык перевода. Таким образом, реализация стратегии форенизации приводит к трудностям в восприятии перевода, однако сохраняет текст оригинала практически полностью. Осуществление же доместикации упрощает восприятие текста перевода путем замены «чужих» понятий и явлений на свойственные реципиентам переводящего языка [5; 74].

Американский исследователь А. Лефевр определяет доместикацию как «адаптацию оригинала к конкретной идеологии или художественным вкусам аудитории». Он выделяет: 1) идеологическую установку переводчика, его субъективное отношение в восприятии оригинала; 2) идеологию власти, устанавливающую требования цензуры; 3) идеологию читателя, которая предопределяется идеологией власти и всем социокультурным контекстом эпохи. Таким образом, А. Лефевр отмечает, что, какой бы ни была манипуляция с оригиналом, будь то перевод, адаптация, с целью привести его в согласие с доминирующим дискурсом своего времени (идеологическим или художественным), она влияет на переписывание оригинала [6].

В 1970-е гг. немецкими теоретиками Г. Вермеером и К. Райс была предложена теория «скопос» («scopos» — цель, задача), предполагавшая, что перевод должен, в первую очередь, учитывать функцию целевого текста для целевой аудитории. Таким образом, скопос-теория конкретного перевода решает проблему дискуссии между правомерностью выбора той или иной стратегии, так как она зависит от конкретной цели, задачи переводчика.

Рассмотрев различные подходы к определению форенизации и доместикации, а также взгляды исследователей, высказывающихся в пользу той или иной стратегии, следует отметить, что перевод не может считаться хорошим, подстраиваясь под культуру языка перевода или отдаляясь от него [4]. Принцип, приписывающий придерживаться «золотой середины», представляется, на наш взгляд, наиболее подходящим и верным. Стоит заметить, что А. Берман, исследовавший проблему множественности толкований оригинала, также придерживается данного принципа.

Конкретные переводческие трансформации применяются в соответствии со стратегиями форенизации и доместикации, обусловленными целью, решаемыми задачами переводчика. Так, для реализации стратегии доместикации используются конкретизация, генерализация, модуляция, экспликация, компенсация, контекстуальная замена, опущение. При осуществлении стратегии

форенизации — транскрипция, транслитерация, калькирование, дословный перевод [7; 129]. Этот список может дополняться различными наименованиями приемов, предлагаемых переводоведами. Стоит отметить, что данные переводческие трансформации позволяют достичь значительного уровня эквивалентности, в то же время они нарушают формальное соотношение текста перевода оригиналу.

Перевод художественного текста может быть как прямым, так и опосредованным. Прямой подразумевает перевод с языка оригинала на переводящий язык, в то время как опосредованный определяется как перевод с языка-посредника, включающего языковые элементы третьего языка. Впервые термин «опосредованный перевод» был введен З.Г. Прошиной в 2001 г. Наряду с данным термином функционируют понятия «косвенный», «вторичный», «непрямой».

В нашем исследовании представлен сравнительно-сопоставительный анализ фрагментов оригинала и переводов на русский и английский языки, нацеленный на определение стратегий и выявление переводческих трансформаций и приемов в качестве средств адекватной трансляции идиостиля автора оригинала.

Результаты и их обсуждение

Для анализа мы выбрали следующий фрагмент, представленный на трех языках:

– *Бетім-ай!.. Масқара-ай!..*

Тырыли арық Қарақатын жерқазбаға танаурап сөйлей кірді... Жерқазбаның терезесі дәл төбесінде, оған шелін алған шыңылтыр қойқарнын тұтқан-ды; батып бара жатқан күннің соңғы сәулесі қой қарнынан өлеусіреп қана түсіп тұр. Үй іші күңгірт. Қарт ананың жүзі көрінбейді. Тек қақырадай биік ақ жаулығы бозғылданады.

– *Ене-ау, не есіткенің бар? Әлгі Қаратаздың... қойлы таздың інісі бар емес пе? Тәңірберген деген сері інісі бар еді ғой, — деп, Қарақатын енесіне қарай тағы бір ысырылып отырды. Сонан әрі бейуақ кешті біртүрлі құпиялы сырға бөлеп, ерні сүйреңдеп сыбырлай сөйледі. — Не басыңды ауыртайын сенің. Сол сері жігіт кеп, Еламанның үйіне түсті. Аты қара тер. Қанжығасында бір қоян, бір түлкісі бар. Қояны ақ тушадай-ау, ақ тушадай! Ақбала сыртқа шығып, сері жігітті аттан түсірді. Ал екеуінің қалай көріскенін көрсең... Масқара-ай!.. Бетім-ай! О, жүзіқара! О, қарабет!..*[8; 7, 8].

Сухопарая, возбужденная Каракатын, задыхаясь, вбежала в землянку... На потолке светилось единственное окно. Оно было затянуто тугой, прозрачной бараньей брюшиной. На дворе был вечер, солнце садилось, и этот матовый пузырь слабо, розово светился. Он почти не давал света, и в комнате стояла такая темнота, что лица старухи не было видно, только едва белел жаулык над ее головой.

– *Ай-яй, какой срам! — радостно сказала Каракатын. — Ты знаешь младшего брата Каратаза? Танирбергенем его зовут... — Она передохнула, облизываясь. — Так вот гляжу, этот Танирберген останавливается у Еламана. Конь весь в мыле, загнал совсем... К седлу заяц и лиса приторочены. А заяц — с козленка, ей-богу, не вру! Теперь слушай... И кто же к нему высказывает? Ақбала! Он ей что-то говорит, а она, сука, к ноге его жметяся, а сама за штаны из седла его тянет. Ну начал он ее тут щупать! Потаскуха она! У, гадина!* [9; 15].

Panting, lean and excited, Karakatyn¹ ran into the zemlyanka... The only window in the hut gleamed translucent at the ceiling, covered with taut lamb gut. It was evening and the sun was setting, an opaque bubble glimmering in rose. Soon the sun barely shed light, and the room became so pitch-black that the face of the old woman was nearly invisible; only her jauyk³ glinted on her head.

“Ау-ау, what a shame!” Karakatyn exclaimed gleefully. “Do you know the younger brother of Karataz? Tanirbergen he's called...”

Karakatyn sighed audibly, licking her lips. “So here, I saw this spoiled brat from the landowner's aul⁴ stopping at Elaman's house. His horse was all in foam, he'd ridden it hard... A hare and a fox were strapped to the saddle. God forbid, I'm not lying! And who comes springing out to meet him? Akbala! He says something to her, and the bitch hugs his leg. What a strumpet! Oh, what a snake!” [10; 13].

При анализе можно заметить различие в последовательности изложения информации. Оригинал транслирует причитания Каракатын «*Бетім-ай!.. Масқара-ай!..*», в то время как перевод начинается не со слов героя, а со слов автора. Такого рода перестановка предложений переводчиком, на наш взгляд, влияет на перевод последующего предложения, а именно опущение словосочетания «*сөйлей кірді*» — «вошла, что-то приговаривая» в прямом переводе на русский, и как следствие, в опосредованном переводе с русского на английский. Вместо этого Н.М. Карамзин добавляет отсутствующий в

оригинале глагол «вбежала», и вслед за ним К. Фитцпатрик использует фразовый глагол «ran into». Подобное, на первый взгляд, незначительное несоответствие не мешает восприятию смысла содержания, однако может быть объяснено тем, что переводчик выбрал прием членения предложения с целью упрощения восприятия текста русскоязычным читателем, относящийся к стратегии доместикации. Несмотря на то, что в английском языке существует понятие «dugout», «hut», в переводе на английский К. Фитцпатрик применяет транслитерацию слова «zemlyanka», на которую дает сноску: «An earthen hut, of ten dug out of the side of a hill», тем самым адаптируя текст посредством форенизации. Примечательно то, что далее переводчик пользуется соответствием «hut» для слова «землянка», явлением, характерным для стратегии доместикации.

В следующем фрагменте, описывающем единственное окно в землянке рыбака Доса, приводится длинное сложное бессоюзное предложение: «Жерқазбаның терезесі дәл төбесінде; оған шелін алған шыңылтыр қой қарнын тұтқан-ды; батып бара жатқан күннің соңғы сәулесі қой қарнынан өлеусіреп қана түсіп тұр». В прямом переводе это предложение разбито на несколько независимых простых и одно сложносочиненное предложение, что способствует упрощению восприятия инокультурного текста: *На потолке светилось единственное окно. Оно было затянуто тугой, прозрачной бараньей брюшиной. На дворе был вечер, солнце садилось, и этот матовый пузырь слабо, розово светился.* В опосредованном переводе осуществлен дословный перевод с русского на английский: «*The only window in the hut gleamed translucent at the ceiling, covered with taut lamb gut. It was evening and the sun was setting, an opaque bubble glimmering in rose*». Таким образом, авторы перевода прибегли к упрощению, соответствующему стратегии доместикации. Следует также заметить, что Н.М. Карамзин использует конкретизацию для описания слабо проникавшего света через окно землянки: *розово светился*, что обусловлено стремлением достичь образности, наглядности. В опосредованном переводе реализованы те же трансформации, что и в прямом, например, описание света в окне представлено аналогично: «*glimmering in rose*».

Мы предлагаем свой вариант перевода, близкий к ИТ, тем самым сохраняющий стилистические особенности стиля автора: *Сквозь затянутое бараньей брюшиной окно землянки пробивался последний луч уходящего солнца.* Английский вариант мог бы звучать следующим образом: *The last ray of the departing sun was breaking through the window of the zherkazba, covered with a sheepstomach.*

Үй іші күңгірт. Қарт ананың жүзі көрінбейді. Тек қақырадай биік ақ жаулығы бозғылданады [8; 7].

Он почти не давал света, и в комнате стояла такая темнота, что лица старухи не было видно, только едва белел жаулык над ее головой [9; 15].

Soon the sun barely shed light, and the room became so pitch-black that the face of the old woman was nearly invisible; only her jaulyk³ glinted on her head [10; 13].

Обратимся к переводу словосочетания «қарт ананың жүзі» (дословно: *лицо пожилой матери*), приобретшего в переводном тексте отрицательную коннотацию в виде «лица старухи». В этом случае переводчик выражает иносказание вместо точной передачи возвышенной лексики, что является одним из способов упрощения. В переводе на английский данное выражение передано как «the face of the old woman» (дословно: *лицо старой женщины*) с нейтральной коннотацией, которое более соответствует смыслу оригинала. Различие в выборе отрицательной и нейтральной оценки в прямом и опосредованном переводах обусловлено лингвокультурной спецификой, так, слово «старуха» в английском согласуется с «the old woman», «the old lady». В самом словосочетании «қарт ана» можно отметить смысловую насыщенность его культурной концептуальной информацией, отражающей нравственные ценности казахского народа, в проявлении глубокого уважения к матери, почтительно-го отношения к пожилому возрасту. Таким образом, в прямом и опосредованном переводах воплощена генерализация, соответствующая стратегии доместикации.

В переводе предложения «Тек қақырадай биік ақ жаулығы бозғылданады» на русский «только едва белел жаулык над ее головой» переводчик использует транслитерему к слову «жаулык», сопровождая ее примечанием в кратком пояснительном словаре: «головной убор замужней женщины». Данный способ перевода можно отнести к стратегии форенизации, целью которой является передача культурно-специфичной реалии. В опосредованном переводе такой же способ передачи реалии «jaulyk» с пояснением значения инокультурного понятия «headdress and veil worn by women of Central Asia» (головной убор и вуаль, которые носят женщины Центральной Азии), представленном в примечаниях. В обоих вариантах перевода реализован прием расширения, или маргинальной глоссы, то есть дополнения в виде информации в сносках и глоссариях в конце книг, что свидетельствует о стратегии форенизации.

Далее автор повествует о разговоре Каракатын со свекровью, в котором она осуждает ненавистную ей Акбалу:

... *Ақбала сыртқа шығып, сері жігітті аттан түсірді. Ал екеуінің қалай көріскенін көрсең... Масқара-ай!.. Бетім-ай! О, жүзіқара! О, қарабет!..*

... *И кто же к нему выскакивает? Акбала! Он ей что-то говорит, а она, сука, к ноге его жмет-ся, а сама за штаны из седла его тянет. Ну начал он ее тут цунать! Потаскуха она! У, гадина!*

... *And who comes springing out to meet him? Akbala! He says something to her, and the bitch hugs his leg. What a strumpet! Oh, what a snake!*

В переводе на русский отчетливо заметны неточности, домыслы переводчика, что приводит к искажению смысла оригинала и тональности изложения, а именно, привносит несвойственный для казахской культуры способ проявления чувств и эмоций казахской женщины. В приведенном фрагменте переводчик прибегает к приему дополнения, отдавая предпочтение стратегии форенизации. Так, перевод: *Он ей что-то говорит, а она, сука, к ноге его жмет-ся, а сама за штаны из седла его тянет. Ну начал он ее тут цунать!*, на наш взгляд, является неадекватным. Несмотря на то, что переводчику удается передать негативное, презрительное отношение Каракатын к Акбале, выбранный переводчиком прямой грубый способ выражений, в отличие от сдержанных выражений автора ИТ, неприемлем. Также вульгаризмы и нецензурная лексика в русском и английском переводах противоречат словам с оценочным оттенком «*қарабет*», «*жүзіқара*». Более того, фраза *Ну начал он ее тут цунать!* отсутствует в оригинале, ИТ в буквальном и в завуалированном смысле не несет подобной коннотации, что рассматривается нами как домыслы переводчика, внесенные для усиления передачи негативных эмоций. Прием компенсации, то есть введение специфического элемента в текст культуры реципиента, свидетельствует об адаптации транслята для читателей ИТ, что, в свою очередь, соответствует стратегии доместикации. Предлагаем собственный перевод: *Выйдя навстречу к джигиту, Акбала помогла ему слезть с коня. Видели бы вы, как они переглянулись... Стыд-то какой! Позор! Вот же бесстыдница! Бессовестная!*

Akbala went out to meet the horseman, helped him down from his horse. You should have seen how they looked at each other... Oh, what a shame! Shame on her! What a shameless woman!

Рассмотрим следующий пример:

— *Еламанның үйі жаққа көзің түсті ме?.. — деді Қарақатын сиқырлы жүзі жымыңдап. — Ақбаланы айтам-ау... Күйеуінің көзі тірісінде, тапа-тал түсте жігіт күтіп алып... Сонда ол сорлы еркектің кәдесіне жараса екен-ау! Анау шытыр жеген түйедей шерміп отырған түрі [8; 9].*

— *Ты, случаем, не глянул на дом Еламана? — спросила Каракатын у мужа, и опять на лице ее появилось удовольствие ... — Ай да Акбала! — все повторяла Каракатын, и глаза ее весело и яростно блестели. — Прямо днем, а? И хоть бы могла чего-нибудь с мужиком, а то ведь не может — лежит как пузатая верблюдица [9; 16].*

“So, did you happen to get a gander at Elaman's house?” Karakatyn asked her husband, and once again her face spread into a wide grin... “Isn't that Akbala something?” Karakatyn kept repeating, her eyes glittering mischievously. “Right in broad daylight, eh? As if she could do anything with a fellow anyway, but she can't, she's lying there like a big humped camel” [10; 14].

Во-первых, высказывание *Ақбаланы айтам-ау ...*, на наш взгляд, переведено неадекватно, так как в переводе на русский оно передается восклицательным предложением и несет в себе саркастический, порицательный смысл. В английском же переводе «*Isn't that Akbala something?*» передано как вопросительное уточнение («Разве это не Акбала? Не правда ли, это Акбала?»), что противоречит смыслу оригинала. Далее А. Нурпейсов акцентирует состояние героини (ее беременность): «*Анау шытыр жеген түйедей шерміп отырған түрі*», и, если в прямом переводе ... *лежит как пузатая верблюдица* может отдаленно передать данный смысл, то в английском языке «*she's lying there like a big humped camel*», что буквально: «лежит там, как большая горбатая верблюдица», абсолютно теряются главная мысль и смысл.

Мы предлагаем следующий перевод: *Погляди-ка на Акбалу... Ишь какая, при живом-то муже, среди бела дня, вышла к возлюбленному. И будь то в состоянии угодить мужчине, нет же, лежит как жерёбая верблюдица.*

Oh, this Akbala... Right in broad daylight, eh? While her husband is still alive... As if she could do anything with a fellow anyway, but she can't, she's lying there like a pregnant camel.

В следующем отрывке отмечается искажение смысла ИТ в прямом и опосредованном переводах, а также неадекватность передачи смысла в опосредованном переводе по причине излишнего буквализма.

Кешеден бері кун ызгары шұғыл қатайып, бір түннің ішінде Тұщыбас бұғазы көз ұшына дейін ұстасып, Еламан, Мөңке, Дос, Рай қазандық балық үшін бастарын қатерге тігіп, мұз үстіне шығып жүр. Әлсіз мұз сәл салмақ түссе майысып, сықырлап қоя бергесін бұлар шоғырланып жүруге қорқады. Онда да әзір тереңге бармай, аз ғана ауын теңіздің тайыз басына салып, үй ішінің қазан қайнатқанын нәпақа көреді.... Бұған Еламан дән ырза. Екіқабат әйеліне жас сорпа ішкізгенге мәз [8; 10, 11].

Только со вчерашней ночи зима, наконец, установилась, хватил крепкий мороз, и утром весь широкий залив Тушчибас, насколько хватало глаз, был затянут сплошным льдом. Лед был тонок еще, но рыбакам так не терпелось, что Еламан, Мунке, Дос и Рай вышли на лед. Лед мягко колыбался у них под ногами, потрескивал, и рыбаки, чтобы не быть всем в одном месте, далеко разбрелись. Они держались близко к берегу и тянули свои сети по мелководью... Особенно радовался Еламан. ... Глядел Еламан на сияющую поземку и видел, как кормит он вечером ухой свою брюхатую жену [9; 18].

“Only last night had winter finally come to stay and a heavy frost set in; in the morning the whole bay of Tushchi-bas was covered completely with ice. The ice was still thin and unreliable but the fishermen couldn't wait, so Elaman, Dos and Ray went out on the frozen sea. The ice gently swayed beneath their feet, cracking, and the fishermen fanned out wide so as not to be concentrated in one place. They hugged the coast and dragged their nets through the shallows. ... Elaman was most happy of all... Gazing at the glowing drifts, Elaman imagined how he would feed fish soup to his wife, her belly bulging with child” [10; 16].

Из оригинала становится ясно, что рыбаки вынуждены, рискуя жизнью выходить на лед, дабы прокормить семьи: «казандық балық үшін бастарын қатерге тігіп, мұз үстіне шығып жүр», «жүруге қорқады» и «үй ішінің қазан қайнатқанын нәпақа көреді». Однако, в прямом и вслед за ним опосредованном такая смысловая нагрузка отсутствует: «Лед был тонок еще, но рыбакам так не терпелось» и «The ice was still thin and unreliable but the fisher men couldn't wait». По этой причине у читателя ПТ может сложиться впечатление, что рыбаки выходят на лед с нетерпением, по своему желанию, а не от нужды.

Автор романа описывает радость Еламана от предвкушения, что он накормит свою беременную жену свежей ухой. Данное высказывание, на наш взгляд, передано на английский язык неадекватно в силу излишней буквальности. Так, «екіқабат әйел» переводится буквально «брюхатая жена», а в опосредованном — «his wife, her belly bulging with child» (дословно: *жену и ее вытирающий от ребенка живот*), потеряна коннотативная нагрузка данного метафорического выражения. Наш вариант: «pregnant», близкое к оригиналу. Такой выбор обусловлен ориентацией на прямой перевод с русского, в котором писатель приводит метафору, буквально истолкованную автором русского перевода «брюхатая жена», и вследствие чего, дословно понятое и переведенное К. Фитцпатриком. Переводчик пользуется приемом расширения, путем введения дополнительных пояснений к имплицитной информации прямого перевода, что, на наш взгляд, является избыточным. Таким образом, в опосредованном переводе реализуется стратегия форенизации. Нами предлагается следующий вариант перевода, который передает смысл отрывка с потерей метафорического значения, однако более адекватный в данном случае:

Со вчерашнего дня мороз-таки усилился, за ночь пролив Тушчибас затянуло льдом, Еламан, Монке, Дос и Рай вышли на лед, рискуя жизнью. Непрочный лед, трещал и слегка проваливался под ногами рыбаков, пугая их при малейшем движении. Они держались близко к берегу и тянули свои сети по мелководью, предвкушая полный казан еды на ужин... Особенно радовался Еламан. Радостно ему было от мысли, что накормит сегодня свежей ухой свою беременную жену.

Only last night had winter finally come to stay and a heavy frost set in; in the morning the whole bay of Tushchi-bas was covered completely with ice. The ice was still thin and unreliable but Elaman, Dos and Ray went out on the frozen sea, risking their lives. The fragile ice cracked and slightly collapsed under the fishermen's feet, scaring them at the slightest movement. They stayed close to the shore and pulled their nets through the shallow water, anticipating a full (cauldron) kazan of food for dinner. ... Elaman was most happy of all... He was happy with the thought that he would feed his pregnant wife with fresh fish soup today.

Заключение

На данном этапе исследования в ходе сравнительно-сопоставительного анализа текстов нами выявлено следующее:

1) опосредованный перевод, за исключением незначительных отклонений, в силу лексико-семантических, грамматических различий языков, практически полностью соответствует прямому переводу. Причиной этому послужило использование аналогичной лексики, грамматических конструкций, порядка слов в предложении, идентичных приемов перевода;

2) при сопоставительном анализе прямого и опосредованного переводов с оригиналом выявлен ряд несоответствий в планах содержания и выражения, а также смысловое искажение ИТ, по причине буквального перевода некоторых фрагментов. В переводах отмечается превышение адекватной меры трансформаций, нарушающее структурно-семантическое и регулятивное подобие оригинала и перевода. В транслятах стратегии доместикации и форенизации воплощены путем применения приемов лексических трансформаций (транслитерация, конкретизация, генерализация); грамматических трансформаций (синтаксическое уподобление — дословный перевод; членение предложения; объединение предложения) и лексико-грамматических трансформаций (экспликация — описательный перевод, компенсация, лексические добавления/опущения);

3) опосредованный перевод не в полной мере соответствует ИТ по причине незнания переводчиком языка оригинала, недостаточных фоновых знаний, культурной специфики, менталитета казахского народа и необходимости переводить с языка-посредника. Переводческие неудачи опосредованного перевода, рассмотренные нами, доказывают несостоятельность передачи прагматического аспекта ИТ в переводе без существенных изменений.

Что касается прямого перевода Н.М. Карамзина, здесь также выявлены несоответствия в силу сложности передачи специфической манеры изложения А. Нурпеисова и культурных реалий языка оригинала. Вследствие чего использование переводческих адаптаций — форенизации и доместикации — неоправданно ведет к потере и искажению информации. Тем самым прямой и опосредованный переводы не отвечают всем критериям адекватности и художественной эквивалентности;

4) в рассматриваемых фрагментах прямого и опосредованного вариантов перевода применены обе стратегии межкультурной адаптации: форенизация и доместикация в соответствии с поставленными целями и задачами, при этом доместикация в суммарном соотношении преобладает;

5) предложенные нами переводы максимально приближены к идиостилю автора оригинала;

6) результаты сравнительно-сопоставительного анализа и выявление ошибок в опосредованном переводе дают основание предполагать, что перевод при помощи языка-посредника не может отвечать всем требованиям адекватной и эквивалентной передачи художественной литературы на другие языки даже при реализации стратегий адаптации. Таким образом, проблема опосредованного перевода остается актуальной и требует дальнейшего изучения.

Список литературы

- 1 Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. — М.: Р.Валент, 2007. — 244 с.
- 2 Копанев П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода / П.И. Копанев. — Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1972. — 295 с.
- 3 Азов А.Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е гг. / А.Г. Азов. — М.: Высш. шк. экон., 2013. — 304 с.
- 4 Yang W. Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation / W. Yang // Journal of Language Teaching and Research, 2010. — Vol. 1, No. 1. — pp. 77–80.
- 5 Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference / L. Venuti. — L.: Routledge, 1999. 210 p.
- 6 Lefevere A. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame / A. Lefevere. — L.: New York, 1992. 208 p.
- 7 Кулманакова Д.А. Стратегии доместикации и форенизации при переводе художественного произведения (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевода на французский язык) / Д.Ф. Кулманакова, Л.А. Спектор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 10–1 (88).
- 8 Нұрпеис Ә. Қан мен тер: Трилогия. — Алматы: «ҚАЗАқпарат» баспасы, 2015. — 960 б.
- 9 Нурпеисов А.К. Кровь и пот: Трилогия. пер. с каз. — Астана: Елорда, 2000. — 832 с.

10 Nurpeisov A. Blood and Sweat / A. Nurpeisov. Translated from Russian by C. Fitzpatrick. Liberty Publishing House, New York, 2013. — 768 p.

А.Ы. Альжанова, Ш. Мажитаева, Ж.Т. Балмагамбетова

Тікелей және жанама аудармадағы стратегияларды анықтау мәселесіне

Мақала Ә. Нұрпейісовтің «Қан мен тер» трилогиясының материалында тілалық бейімделудің аударма стратегияларын зерттеуге арналған. Мақаланың мақсаты — түпнұсқаға орыс тіліне тікелей аудармамен және ағылшын тіліне жанама аудармамен салыстырмалы талдау жүргізу. Жұмыстағы негізгі назар аударма түрлендірулерін қолдану арқылы аудармалардағы стратегияларды іске асыру тәсілдерін қарастыруға аударылған. Сонымен қатар жұмыста аударма мәтіндеріндегі түпнұсқа авторының жеке стилінің ерекшеліктерін, аудармалардың бастапқы мәтінге тілалық сәйкестік деңгейін, аударма мәтінінің түпнұсқаға реттеуші әсерінің эквиваленттік дәрежесін анықтауға әрекет жасалған. Зерттелетін мәселені талдау мазмұн мен өрнек тұрғысынан айтарлықтай шығындарға байланысты жанама аударманың сәтсіздігін дәлелдейді. Зерттеу нәтижелері лингвистика, аударма ісі саласындағы мамандар үшін қызықты болады.

Кілт сөздер: бейімделу стратегиялары, аударма түрлендірулері, тікелей аударма, жанама аударма, көркем аударма.

A.Y. Alzhanova, Sh. Mazhitaeva, Zh.T. Balmagambetova

To the Problem of Identifying Strategies in Direct and Indirect Translation

The article is devoted to the research of translation strategies of interlingual adaptation on the material of A. Nurpeysov's trilogy "Qan men ter". The main attention is focused on the consideration of ways to implement strategies in translations through the use of translation transformations. The paper attempts to find out the adequacy of the transfer of the specifics of the individual style of the original author in translated texts, the level of interlanguage correspondence of translations to the source text, and the degree of equivalence of the regulatory impact of the translated text on the original one. The analysis of the issue under study proves the inconsistency of indirect translation due to significant losses in terms of content and expression. The study results will be of interest to specialists in the field of linguistics, and translation studies.

Keywords: adaptation strategies, translation transformations, direct translation, indirect translation, literary translation.

References

- 1 Retsker, Ya.I. (2007). *Teoriia perevoda i perevodcheskaia praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda [Theory of translation and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]*. Moscow: R.Valent [in Russian].
- 2 Kopanev, P.I. (1972). *Voprosy istorii i teorii khudozhestvennogo perevoda [Questions of the history and theory of literary translation]*. Minsk: Izdatelstvo Belarusskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].
- 3 Azoy, A.G. (2013). *Poverzhennye bukvalisty: Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody [Defeated literalists: From the history of literary translation in the USSR in 1920–1960s]*. Moscow [in Russian].
- 4 Yang, W. (2010). Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation. *Journal of Language Teaching and Research, Vol. 1, No. 1*, 77–80.
- 5 Venuti, L. (1999). *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference*. London: Routledge.
- 6 Lefevere, A. (1992). *Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame*. London, New York.
- 7 Kulmanakova, D.A., & Spector, L.A. (2018). Strategii domestikatsii i forenizatsii pri perevode khudozhestvennogo proizvedeniia (na material romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita» i ego perevoda na frantsuzskii yazyk) [Strategies of domestication and foreignization in the translation of a work of art (based on the material of M.A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» and its translation into French)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki — Philological Sciences. Questions of theory and practice* [in Russian].
- 8 Nurpeis, A. (2015). *Qan men ter [Blood and Sweat]*. Almaty: «QAZaqparat» baspasy [in Kazakh].
- 9 Nurpeisov, A.K. (2000). *Krov i pot [Blood and Sweat]*. Astana: Elorda [in Russian].
- 10 Nurpeisov, A. (2013). *Blood and Sweat. Translated from Russian by C. Fitzpatrick*. Liberty Publishing House, New York.